

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ДАНИЛИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina.ni@staff.sgm.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НАУЧНОЙ РЕЧИ XVIII ВЕКА (на материале текстов М. В. Ломоносова)

А н н о т а ц и я . Цель исследования – выявить языковые средства реализации прагматической функции научного текста. Материалом выступают письмо М. В. Ломоносова Л. Эйлеру от 5.07.1748 и диссертация «De ratione quantitatis materiae et ponderis» – тексты, почти дословно совпадающие, но различающиеся прагматическими интенциями. Установлено, что одно и то же научное содержание получает у Ломоносова различное языковое оформление. Личное письмо предполагает поддержание комфортного общения, поэтому выбираются языковые средства, подчеркивающие близость отношений и повышающие статус адресата, научные размышления даны в форме я-изложения, допускается повышенная эмоциональность и категоричность. Жанр доклада предполагает презентацию объективного знания, поэтому используются языковые средства, снижающие категоричность: мы-изложение, пассивные и неопределенно-личные конструкции, лексические показатели неполной уверенности. Нужные прагматические цели достигаются путем перестройки вспомогательного аппарата текста, включая дискурсивные операторы, и не затрагивают содержательной и лексической базы. Все это характеризует Ломоносова как языковую личность, в полной мере способную реализовать необходимые прагматические компоненты дискурсивных практик средствами латинского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : латинский язык, Ломоносов, Эйлер, научный дискурс, эмоционально-оценочная лексика, дискурсивные операторы, эпистолярный жанр

Д л я ц и т и р о в а н и я : Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов М. В. Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональный дискурс рассматривается в настоящее время как актуальный объект изучения. При этом исследователей давно уже интересует не только терминологическая составляющая научной речи, но и иные ее проявления: синтаксис, прагматика [2], [3], [5], [6], [7], [10]. Формирование языка науки в России обычно связывается с именем М. В. Ломоносова. Изучение его идиолекта представляет особый интерес в том плане, что он оставил огромное не только русско-, но и латиноязычное научное наследие. Латинский язык Ломоносов выучил в Славяно-греко-латинской академии, где пробыл с 1731 по 1735 год, а уже в 1736 году был направлен для обучения в Германию к знаменитому физику Х. Вольфу – стороннику использования национального (немецкого) языка в образовании [9]. Вероятно, именно в этот период сложилась «поликодовость» идиолекта Ломоносова, отме-

чаемая исследователями-германистами [11: 262]. Данная особенность языковой личности нашла отражение и в лексикографии: латинский вместе с русским и немецким является одним из языков «Словаря языка М. В. Ломоносова». Отношения с латинским языком у Ломоносова многообразны. Документальные свидетельства того, что он придавал большое значение знанию латинского языка, собраны в статье [9]. По-латински написаны практически все труды Ломоносова по естественным наукам (четыре из одиннадцати томов академического собрания сочинений). Ломоносов выступает переводчиком и редактором сочинений своих зарубежных коллег (Эйлера, Вольфа) [12: 424], а также собственных сочинений. Однако латинское языковое наследие Ломоносова редко становится объектом специальных исследований [4], [13].

В данной статье мы избрали объектом изучения два латинских текста: письмо к Леонарду Эй-

леру от 5.07.1748¹ и работу «De ratione quantitatis materiae et ponderis» (1758)². Замечено, что эти тексты почти дословно повторяют друг друга [8: 240]. В то же время они принципиально различны по экстралингвистическому контексту: с одной стороны, письмо коллеге, всегда с интересом относившемуся к идеям Ломоносова и проявлявшему личное дружелюбие [12], с другой – диссертация, планировавшаяся к прочтению на заседании академии, где, как известно, Ломоносов имел напряженные взаимоотношения. Отметим, что публичное чтение так и не состоялось из-за сомнений академиков в основательности доводов [8: 231], а написанная диссертация была сдана в архив. Цель нашего исследования – выявить языковые средства реализации прагматической функции текстов. В процессе изложения мы будем приводить примеры непосредственно по-латински, а при необходимости цитировать перевод Я. М. Боровского.

* * *

При сличении текстов в первую очередь обращает на себя внимание различие жанровых шаблонов, выразившееся в специфическом характере вступительных и заключительных частей, которые в сравниваемых текстах полностью различаются.

Письмо с композиционной точки зрения вложено в две «рамки»: формальную и содержательную. Формальная рамка представляет собой приветствие и прощание (с указанием даты). Хотя это уже не первое письмо Ломоносова Эйлеру, приветствие сопровождается полным перечнем регалий адресата, а также определениями-клише, повышающими статус адресата и умаляющими пишущего (1). Основной коммуникативной тактикой содержательной рамки письма также становится повышение статуса адресата. Причем вначале на примере диссертации о селитре в пространственных выражениях воздается должное благосклонности Эйлера к Ломоносову и только после этого сообщается о цели письма: получить отзыв о нынешних размышлениях, возможно, ответ на свои сомнения. При этом и вступление (2), и заключение (3) наполнены эвфемизмами, хвалебными эпитетами, изъявлениями благодарности и удовольствия от взаимного общения. Из грамматических средств отметим использование прилагательных в превосходной степени, обилие местоимений 1-го и 2-го лица, подчеркивающих личностный характер общения, постоянно сопологающих автора и адресата, то есть выполняющих не информативную, а фатическую функцию.

(1) «*Viro celeberrimo atque doctissimo Leonhado Eulero illustris Scientiarum Academiae Berolinensis Membro*

et Professore Regio Meritissimo, nec non Caesareae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Regiae Societatis Scientiarum Londinensis Membro honorario S. P. D. Michael Lomonosoff. <...> Vale. Dabam Petropoli die 5 Julii stili vet. A. S. 1748». «**Знаменитейшему и учнейшему мужу Леонарду Эйлеру, заслуженнейшему королевскому профессору и члену славной берлинской Академии наук, а также почетному члену императорской Петербургской Академии наук и Лондонского королевского общества, нижайший привет шлет Михаил Ломоносов. <...> Будьте здоровы. Петербург, 5 июля ст. ст. 1748 г.**».

(2) «*Quamobrem necessarium esse duco, primo eorum consilio uti, quorum **judicium magnis rebus crebro exercitatum, et auctoritas meritis comparata est. Cum vero in Te, Vir humanissime, super haec omnia etiam propensam in me voluntatem Tuam sciam; nullus itaque dubito, quin ea, quae limitatissimo judicio Tuo examinanda propono, aequo animo accipias, et ubi ea parum valido pedeniti deprehenderit, hallucinationem candide, ut soles, indicare non graveris***». «Поэтому считаю необходимым последовать совету тех, чье **суждение изощрено постоянным занятием важными** вопросами, **авторитет же** приобретен **заслугами**. Так как, муж **снисходительнейший**, кроме обоих этих качеств Вы еще, знаю, и **благосклонны ко мне**, то я не сомневаюсь, что Вы выслушаете **благожелательно** то, что я предлагаю Вашему **просвещеннейшему** суду, и, заметив пункты, недостаточно у меня обоснованные, **не поставите себе в труд откровенно**, как всегда, указать мои ошибки».

(3) «*Tuo autem acutissimo judicio ex hoc labyintho me extricatum es, animi aequitate hasce meditationes meas, mihi que favere perge*». «Но не сомневаюсь, что Ваше **острое** суждение освободит меня из этого лабиринта. Примите, **несравненный** муж, эти мои размышления со свойственной Вам **непредубежденностью** и не оставляйте меня Вашим **благосклонным расположением**».

Композиционная рамка диссертации близка к современному шаблону научного доклада: вступление – обоснование актуальности темы (4), заключение – перспективы исследования (5). В письме к Эйлеру данные аспекты темы не упоминаются. Отметим, что важность и значимость темы подчеркиваются также косвенными средствами – обилием усилительной и оценочной лексики, в том числе хвалебными эпитетами по отношению к предшествующим ученым, хотя и не называемым поименно.

(4) «*...non sine animi dolore aliquo miramur, post tot magnorum virorum conamina, post tot praeclara inventa, tot phaenomena physica adhuc restare non satis explicata... versatur. ...quamprimum considerabimus ipsa principia mechanica adeoque physica in disceptatione esse, summosque seculi hujus viros de iis dissentire. Exemplum luculentissimum est mensura virium motus, quae ab aliis in simpliciter, ab aliis in duplicate ratione celeritatis assumitur*». «...мы не без **горестного изумления** видим, что после **стольких** усилий **великих** мужей, после **стольких славных** открытий, **такое** множество физических явлений до сих пор остается недостаточно объясненными, ... самые первые начала механики, а тем самым и физики, еще спорны, ...**наиболее выдающиеся** ученые нашего

века не могут притти к соглашению о них... Подобным же образом спорным представляется вопрос, дает ли отношение тяжести тел правильную меру количества их материи».

(5) «...*si contraria receptae hypothese opinion esse deprehendatur, rationem magnitudinis particularum in diversis corporibus... facilius investigari posse, indeque majus lumen oboriturum esse in Phylosophia corpuscular, quam adeo neglactam esse hoc seculo jure querimur...*». «...если окажется правильным мнение, противоположное общепринятой гипотезе, то легче будет исследовать отношение величины частиц в разных телах... а отсюда прольется большой свет в корпускулярную философию, находящуюся в наш век в таком пренебрежении...».

Основная часть обоих текстов, действительно, почти дословно совпадает. Тем показательнее различия, которые все-таки обнаруживаются. В первую очередь обратим внимание на особенности авторского самовыражения. В письме все изложение ведется от 1 л. ед. ч., тем самым подчеркивается субъективный, индивидуальный характер течения мысли и авторской позиции. В диссертации в соответствующих местах используются либо пассивные (безличные, неопределенно-личные) конструкции (6, 7), либо 1 л. мн. ч., что подразумевает местоимение *мы*, причем это может быть как авторское *мы* (= я) (8), так и обобщенно-личное («любой из нас, ученых») (9). Тем самым в диссертации Ломоносов даже на уровне выбора грамматических средств стремится подать свою позицию как объективное знание. На уровне текста в целом этому служит аргументация: логические рассуждения и эмпирические примеры, которые так ценил Эйлер. Некоторые фразы с глаголами 1 л. ед. ч. в диссертации вообще опускаются: они либо слишком категоричны для публичного выступления (10), либо представляют собой своеобразные отступления от изложения, допустимые в письме, но излишние в докладе (11). Впрочем, и в письме встречается *мы*-изложение, оно используется там, где описываются вещи, по мнению автора, очевидные или логически неоспоримые, и это всегда обобщающее «мы» (12).

(6) «*At iis, quae... in sensu generali leguntur... subscribere nondum possum*» (письмо) / «*At iis, quae... in sensu generali... subscribi nondum tuto posse existimamus*» (диссертация).

(7) «*Quamobrem opus est, ut... de causa gravitatis pauca disseram*» (письмо) / «*Quamobrem necesse est, ut... de causa gravitatis pauca in genere proponantur*» (диссертация).

(8) «*Non moror eos, qui... putant; sed absque omni dubio... statuo*» (письмо) / «*Non tamen morabimur eos, qui... putant, sed absque omni dubio ...statuimus*» (диссертация).

(9) «*Omnem assensum prebeo, cum apud virum summum Isaacum Newtonum lego...*» (письмо) / «*Omnem assensum prebemus, cum apud Newtonum legimus...*» (диссертация).

(10) «*Ego prius amplector, posterius eis relinquo, qui omnia fere phaenomena unico vocabulo explicare gaudent*». «Я принимаю первое, а второе предоставляю тем, кто рад чуть ли не все явления объяснить одним-единственным словом» (письмо).

(11) «*Plura offerem, si me jam plus satis prolixum hic fuisse non viderem. Addo tamen...*». «Я предложил бы больше, если бы не видел, что уже распространился более чем достаточно. Добавлю, однако...» (письмо).

(12) «*Si mundum adspectabilem plenum materia statui-mus; materiam gravitate carentem admittere debemus...*» «Если мы признаем видимый мир полным материи, то должны допустить и невесомую материю...» (письмо, диссертация).

Другим важным отличием прагматики сравниваемых текстов выступают особенности реализации эмоционально-оценочного компонента. То, что даже научная речь Ломоносова богата средствами выразительности, уже отмечалось исследователями его русскоязычного дискурса [1: 32]. Метафоры, олицетворения, развернутые сравнения, риторические вопросы, эмоционально-оценочная лексика имеются и в анализируемых нами текстах (13, 14); эти моменты являются в них по большей части совпадающими.

(13) «*Sic quantum alicui corpora materiae additur, tantum decedit alteri, quod horas somno impend, totidem vigiliae detraho*». «Так, сколько материи прибавляется к какому-нибудь телу, столько же теряется у другого; сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования» (письмо, диссертация).

(14) «*Quid enim magis contrarium esse potest merae attractioni, quam pura impulsio?*» «Ибо что может быть более противоположным чистому притяжению, чем простой толчок?» (письмо).

Впрочем, как мы уже отметили, письмо, в отличие от диссертации, имеет пространное эмоционально окрашенное вступление и заключение, да и в основной его части эмоционально окрашенной лексики несколько больше, чем в диссертации, где соответствующие фрагменты просто опускаются (15, 16).

(15) «*...nullum erandi periculum circa determinandas magnorum corporum vires timeri potest; verum tamen in explicandis phaenomenis, quae a minimis rerum naturalium deponent, id non timere admittendum esse censeo, si in errore versari velimus*». «...ничего бояться ошибок в определении сил крупных тел, но я считаю невозможным приложить это к объяснению тех явлений, которые зависят от мельчайших частиц тел природы, если мы не хотим все время ошибаться» (письмо).

(16) «*Mihi equidem in usu evenit, ut, post consumptam omnem curam... me omni laboris industriaeque fructu privari intellexerim*». «Да и сам я, потратив много труда... понял, что не получу никаких плодов от своей прилежной работы» (письмо).

Существенная разница между письмом и диссертацией наблюдается в соотношении языковых операторов уверенности / предположительности.

Научной речи Ломоносова вообще (в обоих текстах, и не только в них) свойственна довольно категоричная тональность, что проявляется в выборе соответствующей лексики и синтаксических конструкций, в обилии усилительных частиц и определений, прилагательных в превосходной степени. Типичны выражения: *absque omni dubio; certissimum est; maxime probabile, ac paene extra omne dubium positum est* «представляется весьма вероятным и почти несомненным»; *nemo ibit inficias* «никто не станет возражать»; *quod falsum est; manifestum est; necessario fieri debent* (глагол *debere* вообще частотен в письме); *attractio mera nulla esse potest; ne quis tamen exempla apparenter urgentia contra haec ponat* «и пусть никто не приводит против этого примеров, кажущихся противоречащими»; *posterius et sanam rationem offendit* «последнее противоречит здравому смыслу»; *ne hic autem mihi objiciatur* «что бы мне здесь ни возражали» и т. п. Однако в диссертации наряду с подобными выражениями имеется в большом количестве и лексика со значением неполной уверенности, предположительности, отчасти эвфемистичная, практически отсутствующая в письме: *videtur* (особенно часто); *non hic erit incongruum* (будущее время снижает категоричность); *adeo verosimili ratione ponimus; ex quibus magna aboritur dubitatio de recepta illa hypothesi* «которые вызывают сильное сомнение в справедливости принятой гипотезы»; *non vana, ut videtur, oboritur suspicio* «возникает не лишнее, по-

видимому, оснований предположение»; *Sed satis demonstrandum esse vedetur, memoratae hypothesi contrarium esse posse* «Но, пожалуй, уже достаточно показано, что можно утверждать противоположное упомянутой гипотезе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы видим, что одно и то же научное содержание получает у Ломоносова различное языковое оформление, обусловленное экстралингвистическими факторами. Жанровый канон личного письма предполагает поддержание комфортного общения, поэтому выбираются языковые средства, подчеркивающие близость отношений и повышающие статус адресата; я-изложение продолжает использоваться и в той части текста, где излагаются научные размышления. Жанр доклада предполагает презентацию объективного знания, поэтому используются языковые средства, снижающие категоричность: мы-изложение, пассивные и неопределенно-личные конструкции, эвфемизмы, лексические показатели неполной уверенности. Показательно, что нужные прагматические цели достигаются путем перестройки вспомогательного аппарата текста, включая дискурсивные операторы, и не затрагивают его содержательной и лексической базы. Все это характеризует Ломоносова как языковую личность, в полной мере способную реализовать необходимые прагматические компоненты дискурсивных практик средствами латинского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 169–194.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 349–372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 84 с.
2. Баженова Е. А. Прагматические единицы научного текста // Филологические заметки. 2007. Т. 2. С. 221–225.
3. Баженова Е. А. Развитие понятия «Смысловая структура научного текста» в функциональной стилистике // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 8–12.
4. Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 206–218.
5. Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 57–62.
6. Данилевская Н. В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 83–89.
7. Данилина Н. И., Разумовская Е. А. Проявление индивидуально-авторского начала в научном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4
8. Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 537 с.
9. Солопов А. И. Латинский язык в жизни и творчестве М. В. Ломоносова // Научные доклады филологического факультета МГУ. 2013. Т. 7. С. 16–24
10. Супоницкая Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 1. С. 133–138.
11. Филиппов К. А., Григорьева Л. Н. Немецкий язык в идиолекте М. В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. М: Языки славянской культуры, 2013. С. 257–273.

12. Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов (К истории их научных связей) // Леонард Эйлер: Сб. статей в честь 250-летия со дня рождения / Под ред. М. А. Лаврентьева, А. П. Юшкевича, А. Т. Григоряна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 423–463.
13. Шабига И. Ю. Переводческие приемы М. В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 43–61.

Поступила в редакцию 21.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Natalia I. Danilina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina.ni@staff.sgm.ru

PRAGMATIC COMPONENT IN THE EIGHTEENTH-CENTURY LANGUAGE OF SCIENCE (based on Mikhail Lomonosov's texts)

Abstract. The purpose of the study is to identify the linguistic means of implementing the pragmatic function of scientific texts. Mikhail Lomonosov's letter to Euler dated 5 July 1748 and his dissertation *De ratione quantitatis materiae et ponderis* (Ratio of the quantity of matter and its weight). These texts match each other almost verbatim, but differ in their pragmatic intentions. The same scientific content is expressed by Lomonosov through different linguistic forms. The personal letter involves maintaining comfortable communication, therefore, he chooses language means that emphasize the closeness of the relationship and increase the status of the addressee, scientific reasoning takes the form of "I" statements, sometimes more emotional and categorical. The genre of scientific report involves the presentation of objective knowledge, therefore, Lomonosov uses linguistic means that reduce categoricity: "we" statements, passive voice, indefinite-personal constructions, and lexical indicators of incomplete confidence. Necessary pragmatic goals are achieved by restructuring the auxiliary apparatus of the texts, including discursive operators, and do not affect their content or lexical base. All this characterizes Lomonosov as a linguistic personality fully capable of implementing required pragmatic components of discursive practices by means of the Latin language.

Key words: Latin, Lomonosov, Euler, scientific discourse, emotional and evaluative vocabulary, discursive operators, epistolary genre

For citation: Danilina, N. I. Pragmatic component in the eighteenth-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951

REFERENCES

1. Ariskina, O. L., Dryangina, E. A. The role of the linguistic personality of grammarians of the XVI–XVIII centuries in the development of Russian linguistic science. Saransk, 2013. 84 p. (In Russ.)
2. Bazhenova, E. A. Pragmatic units of scientific texts. *Philological Studies*. 2007;2:221–225. (In Russ.)
3. Bazhenova, E. A. The development of the concept "scientific text's sense structure" in functional stylistics. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:8–12. (In Russ.)
4. Borovsky, Ya. M. The Latin language of Lomonosov. *Lomonosov: Collection of articles and materials*. IV. Moscow; Leningrad, 1960. P. 206–218. (In Russ.)
5. Viktorova, E. Yu. On the dialogue nature of Russian academic discourse. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:57–62. (In Russ.)
6. Danilevskaya, N. V. Intellectual expression of scientific discourse: a psycholinguistic aspect. *Socio-and-Psycholinguistic Studies*. 2018;6:83–89. (In Russ.)
7. Danilina, N. I., Razumovskaya, E. A. The manifestation of the author in the dissertation (at the origins of the language of science). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;71:56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4 (In Russ.)
8. Menshutkin, B. N. Works of M. V. Lomonosov on physics and chemistry. Moscow; Leningrad, 1936. 537 p. (In Russ.)
9. Solopov, A. I. The Latin language in the life and works of M. V. Lomonosov. *Scientific reports of the Faculty of Philology of Moscow State University*. 2013. Vol. 7. P. 16–24. (In Russ.)
10. Suponitskaya, N. S. The ways of the language marking of the author's implicit "presence" in the scientific text. *Philology. Theory & Practice*. 2016;7(61-1):133–138. (In Russ.)
11. Filippov, K. A., Grigoryeva, L. N. German in the idiolect of M. V. Lomonosov. *Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German Studies*. Vol. 10. Moscow, 2013. P. 257–273. (In Russ.)
12. Chenaikal, V. L. Euler and Lomonosov (the history of their scientific relations). *Leonard Euler: Collection of articles in memory of his 250th birth anniversary*. (M. A. Lavrentyev, A. P. Yushkevich, A. T. Grigoryan, Eds.). Moscow, 1958. P. 423–463. (In Russ.)
13. Shabaga, I. Yu. Scientific Latin text and translation techniques used by M. V. Lomonosov. *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2011;4:43–61. (In Russ.)

Received: 21 August 2023; accepted: 29 September 2023